

П Р И В А В Л Е Н И Е

К Ъ

ДУХОВНОМУ ВѢСТНИКУ

Г Р У З И Н С К А Г О Э К З А Р Х А Т А .

15-го августа

№ 16-й

1897 года.

Изъ слова преосвященнаго Димитрія, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго,

въ день Преображенія Господня.

Празднуемое нынѣ Евангельское событіе представляется необыкновеннымъ и чрезвычайнымъ въ самой необыкновенной исполненной чудесъ жизни Богочеловѣка. Во всю земную жизнь свою Господь Иисусъ Христосъ сокрывалъ славу Божества своего подъ завѣсою плоти; но вотъ, на Ѡаворѣ, Онъ являетъ ее такъ, какъ только могли вмѣстить плотскія очи учениковъ. Всегда и вездѣ Онъ любилъ называть Себя Сыномъ человѣческимъ: на Ѡаворѣ Самъ Богъ Отецъ торжественно именуеть Его Сыномъ Своимъ возлюбленнымъ. Пріавшій зракъ раба, пришедшій не да послужать Ему, но послужити, на Ѡаворѣ является Господомъ славы, которому служатъ Моисей и Илія, явльшіеся во славѣ. Почему же благоугодно было Господу такъ необыкновенно и такъ торжественно показать славу свою еще во днѣхъ плоти, когда цѣлю пришествія Его было не прославленіе, а уничиженіе, страданія и смерть? Для чего Онъ являетъ славу свою только предъ избраннѣйшими изъ учениковъ своихъ, которые и безъ того вѣровали и исповѣдали Его Христомъ, Сыномъ Бога живаго? «Да егда узрять Его распинаема», такъ объясняетъ св. церковь цѣль необыкновеннаго событія Ѡаворскаго: «страданіе убо уразумѣютъ вольное, мірови же проповѣдаютъ, яко Онъ есть Отчее сіяніе».

Предстояло тяжелое испытаніе вѣрѣ учениковъ Христовыхъ, приближалось время, когда сатана будетъ просить, дабы сѣялъ ихъ яко

пшеницу, когда и объ избраннѣйшихъ ученикахъ надлежало молиться Самому Господу, да не оскудѣетъ вѣра ихъ. Правда, они вѣровали отъ всего сердца, что Исусъ есть обѣтованный Мессія, о которомъ писали Моисей и Пророки; но эта вѣра, какъ показываетъ вся Евангельская исторія, какъ сознавались потомъ и сами Апостолы, затмѣвалась въ умахъ ихъ тѣми неправыми, плотскими мнѣніями о Мессіи, которыя составили себѣ и распространяли въ народѣ книжники іудейскіе. Въ особенности мысль о смерти, и при томъ смерти поносной, между злодѣями, на крестѣ, не могла никакъ совмѣщаться въ умѣ ихъ съ понятіемъ о Мессіи, славномъ царѣ Израилевомъ, которому предлежитъ одна слава, высшая славы всѣхъ царей земныхъ. Такъ, когда, за шесть дней предъ симъ, Господь *начатъ сказати ученикомъ своимъ, яко подобаетъ Ему ити во Иерусалимъ и много пострадати, и убіену быти*, именно, что Онъ *преданъ будетъ Архіереемъ и книжникомъ, и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его языкомъ на поруганіе и біеніе и проклятіе*, то это предсказаніе до того смутило и поразило Апостоловъ, что одинъ изъ нихъ—Петръ—*начатъ пререкати Ему, глаголя: милосердіе Ты, Господи, не имать Тебѣ быти сіе*. Надлежало, посему, Господу укрѣпить вѣру ихъ несомнѣннымъ доказательствомъ Божества своего, очевиднымъ явленіемъ божественной славы своей, яснымъ свидѣтельствомъ Самого Бога Отца, надлежало показать, что эта божественная слава не только не умалется, а, напротивъ, возвышается крестомъ Его; надлежало открыть имъ хотя край завѣсы, за которою скрывается отъ насъ будущая вѣчная жизнь, чтобы всѣ земныя мечты ихъ разсѣялись и всѣ земные страхи ихъ исчезли.

Но, что нужно было для первыхъ учениковъ Христовыхъ въ тогдашнее время, то самое не менѣе нужно для послѣдователей Христовыхъ и во всѣ времена. Вѣрѣ учениковъ Христовыхъ всегда предстоитъ не мало искушеній, и всегда они имѣють нужду въ благодатномъ утвержденіи и укрѣпленіи своей вѣры. Сатана и нынѣ, какъ и всегда, старается сѣять ихъ, яко пшеницу. Есть и нынѣ ослѣпленные невѣріемъ книжники, которые, соблазняясь состояніемъ уничтоженія Іисуса Христа, говорятъ: *не сей ли есть сынъ Іосифовъ и мати Его Марія есть?* И, говоря такимъ образомъ, не видятъ и не хотятъ видѣть въ лицѣ Его истиннаго Сына Божія, едиnorodнаго отъ Отца. Есть и погрязшіе въ чувственности Саддукеи, *глаголющіе не*

быти ни воскресенію, ни Ангелу, ни духу. Для сего-то св. Евангелисты и предали церкви сказаніе о славномъ событіи Фаворскомъ, а церковь запечатѣла его особеннымъ празднествомъ на вѣѣ времена, чтобы свѣтъ славы Фаворской озарялъ предъ нами и божественную славу Искупителя нашего и наше будущее прославленіе въ Немъ.

Нужно ли видимое, осязаемое, такъ сказать, доказательство божественной славы Начальника и Совершителя спасенія нашего Иисуса? На Фаворѣ является сія божественная слава, сколько можетъ вмѣстить и умъ и глазъ человѣка. Для человѣческаго глаза нѣтъ ничего совершеннѣе солнца: и се, просвѣщается лице Иисусово, яко солнце. Для плотскаго зрѣнія нѣтъ ничего драгоцѣннѣе свѣта: и вотъ не только тѣло, а и самыя одежды Иисусовы являются бѣлы, яко свѣтъ. Для увѣренія учениковъ въ томъ, что Учитель ихъ есть не человѣкъ только, угодный Богу своею праведностію и благочестіемъ, не рабъ вѣрный, подобно Моисею, во всемъ Дому Божиѣмъ, а истинный Сынъ Божій и Богъ,—являются предъ Иисусомъ на Фаворѣ Моисей и Илія, какъ рабы предъ своимъ Владыкою, какъ служители предъ своимъ Господомъ, какъ пророки, предвозвѣстившіе пришествіе Его на землю, и какъ свидѣтели исполненія своихъ пророчествъ. Наконецъ, Самъ Богъ Отецъ, изъ осѣнившаго Фаворъ свѣтлаго облака, возглашаетъ: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ*,—Сынъ едиnorodный, въ которомъ почиетъ вся любовь и все благоволеніе Отца небеснаго,—Сынъ единосущный Отцу, въ которомъ обитаетъ вся полнота божества тѣлеснѣ. Сей есть *путь, истина и жизнь; никтоже придетъ ко Отцу, токмо Имъ*; никто не освободится отъ тмы заблужденія и лжи, какъ токмо вѣрующій Словоу Его; никто не узритъ живота вѣчнаго, не пріобщившись Ему вѣрою и любовію.

При этомъ свѣтѣ славы Фаворской, мы и въ самомъ униженіи, въ самыхъ страданіяхъ Сына человѣческаго не можемъ уже не видѣть славы Сына Божія едиnorodнаго отъ Отца. Онъ является на землѣ въ немощахъ младенчества, въ вертепѣ и въ ясляхъ; но цѣлыя сонмы силъ небесныхъ прославляютъ рождество Его хвалебными пѣснями, и мудрецы Востока, водимые чудодѣйственною звѣздою, приходятъ поклониться Ему и принести свои дары. Онъ является не имущимъ вида, ни доброты, въ язвѣ и во озлобленіи, но Его Словоу покоряются вѣѣ стихіи, Ему повинуются и вѣтры и море, Его трепещутъ самыя

духи злобы. Его слушаютъ мертвые, и возстають изъ гробовъ. Онъ изнемогаетъ, подобно намъ, отъ усталости и требуетъ отдохновенія; но отъ одного прикосновенія руки Его хромые ходять, глухіе слышать, слѣпые прозирають, нѣмые говорятъ, прокаженные очищаются, разслабленные возстають со одра. Онъ алчетъ и жаждетъ, подобно каждому изъ насъ; но по Его благословенію многія тысячи народа насыщаются пятью хлѣбами, и вода претворяется въ вино. Его приходятъ взять со оружіемъ и дрекольми; но Онъ—безоружный—единымъ словомъ: *Азъ есмь*, повергаетъ на землю всю спину вооруженныхъ, и потомъ Самъ предаетъ Себя въ ихъ руки. Онъ распинается на крестѣ со злодѣями, и въ тяжкихъ мукахъ вопіетъ: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ!* Но отъ сего гласа Его померкаетъ солнце, сотрясается земля, распадаются скалы, отверзаются гробы и возстають тѣлеса усоншихъ святыхъ. Его погребають, какъ мертвеца, во гробѣ; но Онъ, яко Богъ и источникъ жизни, возстаетъ отъ гроба и восходитъ на небо. Прислушайтесь, о чемъ бесѣдуютъ съ Иисусомъ Моисей и Илія? *Глаголаста же исходъ Его, его же хотѣше скончати во Иерусалимѣ.* Значить, крестная смерть Иисова есть такой достопоклоняемый предметъ, о которомъ достойно размышлять и бесѣдовать и среди славы небесной;—есть такая высочайшая тайна, въ которую желаютъ проникнуть и самые небожители. И подлинно,—это велія благочестія тайна, *сокровенная отъ вѣкъ и родовъ, юже предустави Богъ въ славу нашу:* тайна неизреченной любви Божіей, не пощадившей для спасенія челоуѣковъ едиnorodнаго Сына Своего, но предавшей Его на страданія и смерть для избавленія насъ отъ проклятія и смерти вѣчной;—тайна непремѣняемой правды Божіей и неумытнаго правосудія, карающаго грѣхъ челоуѣческой въ лицѣ Самаго Сына Божія;—тайна неисповѣдимаго милосердія Божія, которое щадить и падшее созданіе свое, милуетъ и самого грѣшника;—тайна высочайшей премудрости Божіей, которая смертію Безсмертнаго спасаетъ отъ смерти смертнаго, осужденіемъ не вѣдѣвшаго грѣха избавляетъ отъ вѣчнаго осужденія повиннаго грѣху, крестомъ спасаетъ міръ, и изъ гроба истоощаетъ безсмертіе и вѣчную жизнь. Вотъ, почему, очевидцы славы Фаворской съ такою твердою увѣренностію свидѣтельствовали потомъ предъ цѣлымъ міромъ: *яко не ухищреннымъ баснемъ послѣдователѣ, сказахомъ вамъ силу и прішествовіе Господа нашего Иисуса Христа, но самовидцы бывше вели-*

чествія онаго: *Пріємъ бо отъ Бога Отца честь и славу, гласу пришедшу къ Нему такому отъ вельмѣнныхъ славы: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоизволихъ. И сей гласъ мы слышимъ съ небесе сшедшъ, съ Нимъ суще на горѣ святой.*

Припадемъ же, братія, и мы предъ преобразившимся Господомъ славы въ благоговѣйномъ трепетѣ и умиленіи; почтимъ Сына, да не когда прогнѣвается Богъ—Отецъ Его. Пусть невѣрующіе и нынѣ, подобно древнимъ іудеямъ, богохульствуютъ: *не сей ли есть тектонъ, сынъ Іосифовъ?* Мы поклоняемся во Іисусѣ едиnorodному Сыну Божію, воплотившемуся и вочеловѣчившемуся для спасенія нашего; ибо *видѣхомъ славу Его, славу яко едиnorodнаго отъ Отца, исполнь благодати и истинны.* Пусть слово о распятомъ Христѣ и нынѣшнимъ Іудеямъ кажется соблазномъ, и новымъ Ёллиномъ—безуміемъ: мы обрѣтаемъ въ Немъ *Божію силу и Божію премудрость*; ибо Іисусъ Христосъ *есть намъ премудрость отъ Бога и правда, и освященіе, и избавленіе.*

Православное и рационалистическое ученіе о христіанской любви.

„Высшее благо“. Тѣчь англійскаго профессора Генри Друммонда. Переводъ съ 19 изданія на англійскомъ языкѣ. М. 1892 г. Въ Синод. тип. 64 стр. 8°).

Вотъ брошюрка, невольнo всякаго подкупающая въ свою пользу самой своею внѣшностью: она издана такъ изящно, при самой строгой простотѣ, что всякій сразу признаетъ въ ней не книгопродавческую спекуляцію, а одно изъ дорогихъ сердцу издателя произведеній, на которыя не скупаются средствами: прекрасная плотная бумага, четкій шрифтъ, позолота по верхнему краю обрѣза, оттиснутые золотомъ на обложкѣ инициалы авторскаго имени—Г. и Д.—все это невольнo обращаетъ на брошюрку вниманіе; уважительное вниманіе вызываетъ тѣмъ больше предметъ брошюрки, заявляемый самымъ ея заглавіемъ: «Высшее благо» въ жизни, — *summum bonum*, — то, что должно для челоуѣка составлять цѣль жизни,—вотъ о чемъ трактуется на 57 страничкахъ брошюры, какъ объясняетъ авторъ въ ея предисловіи. Но и самому предисловію предпослана перепечатанная цѣлостію XIII глава перваго посланія къ Коринтоянамъ св. Ап. Павла. Этотъ обширный эпитафъ брошюрки раньше предисловія предупреждаетъ, въ чемъ именно авторъ видитъ высшее въ жизни благо: де-

вать разъ встрѣчающееся въ 13 стихахъ главы слово *любовь* не оставляетъ мѣста сомнѣнія, что предметъ рѣчи есть выясненіе или доказательство той истины, что не вѣра, не надежда, а любовь есть высшее изъ благъ жизни: «любовь изъ нихъ больше».

Авторъ вообще совершенно далекъ отъ французской манеры рассчитывать на эффекты, заинтересовывать и поражать читателя или слушателей неожиданностями: онъ всегда напередъ говорить, что онъ будетъ излагать и въ какомъ порядкѣ. Онъ полагается не на ораторскіе приемы рѣчи, а на достоинство ея предмета и содержанія. Тѣмъ больше говоритъ въ пользу брошюрки то обстоятельство, что рѣчь г. Друммонда, при всей ея простотѣ и безыскусственности, выдержала 19 изданій въ Англіи.

Авторъ развиваетъ свою идею о христіанской любви, шагъ за шагомъ слѣдуя по стопамъ великаго учителя міру—апостола язычниковъ. Въ первыхъ трехъ стихахъ главы авторъ находитъ у апостола *сопоставленіе* любви съ другими предметами людскихъ стремленій: съ краснорѣчіемъ, пророчествомъ, знаніемъ, вѣрою, милосердіемъ, подвигомъ мученическаго самоотверженія. Затѣмъ, руководствуясь исчисленіемъ у апостола различныхъ проявленій любви (стихи съ 4 по 7), авторъ дѣлаетъ *анализъ* любви. И наконецъ, въ послѣднихъ шести стихахъ главы, авторъ усматриваетъ у апостола *апологию* любви, какъ онъ выражается, т. е. защищаетъ положеніе, что высшее благо есть не другое что, а именно любовь. Уже то самое, что авторъ стихъ за стихомъ слѣдуетъ теченію мыслей о христіанской любви, изложенныхъ у апостола, повидимому, удаляетъ всякую мысль о какой-либо тенденціозности автора въ способѣ трактаціи о предметѣ. Да и самый предметъ брошюры,—не вѣра, не добрыя дѣла, не благодать, не предопредѣленіе, а любовь и не что-либо другое, повидимому, дѣлаетъ совершенно безразличными,—кто говоритъ о любви,—о высшемъ благѣ, — православный ли русскій богословъ или ученый англійскій профессоръ; но при ближайшемъ знакомствѣ съ брошюрой, вѣроисповѣданіе и научная собственно, а не спеціально-богословская эрудиція автора очень и очень сказываются въ произведеніи.

Мы не можемъ сказать, чтобы въ брошюркѣ сэра Г. Друммонда заключалась какая-нибудь ересь, чтобы въ ней усматривалось, сознательно проводилось какое-либо вредное направленіе. Но съ другой стороны,—гр. Л. Н. Толстой,—мы не сомнѣваемся,—охотно подпи-

саль бы, въ случаѣ надобности, свое имя подъ произведеніемъ сэра Г. Друммонда.

И во-первыхъ: о какой любви, говорится въ рѣчи Г. Друммонда? О любви къ Богу онъ сказалъ всего только 12½ строкъ на страницѣ 10 и то—случайно,—въ обфлѣніе словъ, что «любовь есть исполненіе закона». Затѣмъ, во всей брошюркѣ подъ словомъ любовь разумѣется любовь человѣка къ ближнему своему. Говоря о любви, какъ о высшемъ благѣ не могъ, кажется бы, Г. Друммондъ не обратить серьезнаго вниманія на слово писанія: «Богъ любовь есть». И дѣйствительно, у него встрѣчаются эти слова Писанія; но какое имъ придается значеніе? Полагаетъ ли онъ ихъ въ основу ученія о любви, какъ о высшемъ благѣ?—нѣтъ, онъ упоминаетъ это изреченіе Писанія мимоходомъ и, такъ сказать, случайно. Онъ говоритъ: «И не только въ посланіи къ Коринѳянамъ указывается на любовь, какъ на высшее благо; Ап. Петръ говоритъ: *«болѣе же всего имѣйте усердную любовь другъ къ другу.* Ап. Іоаннъ идетъ еще дальше и говоритъ—«Богъ есть любовь. Вспомните еще одно, полное глубокаго смысла, слово Ап. Павла: «любовь есть исполненіе закона». Думали ли вы о томъ, что онъ хотѣлъ сказать этимъ?»... и пр. Но самъ Г. Друммондъ и не замѣтилъ, что прошелъ, не остановившись мыслію на словахъ, исполненныхъ еще глубочайшаго значенія, требовавшихъ еще большаго вниманія и углубленія мысли,—на словахъ, упомянутыхъ имъ вскользь, какъ одно изъ восхваленій любви,—не больше!...

Итакъ, по ученію сэра Г. Друммонда (а не по ученію Апостоловъ Павла, Петра и Іоанна), высшее благо есть любовь человѣка къ человѣку. Просмотримъ теперь, какъ онъ аргументируетъ то положеніе, слѣдуя, повидимому, Ап. Павлу. Ап. Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, изъ котораго Г. Друммондъ взялся комментировать XIII главу, смотритъ на любовь, какъ на одно изъ «дарованій Духа Божія» и сопоставляетъ этотъ «даръ» съ другими проявленіями Духа Божія въ вѣрующихъ: (XII, 1, 3, 4, 7—11, 28—31). Любви онъ противопоставляетъ даръ языковъ, даръ пророчества, даръ откровенія (тайнъ), даръ вѣдѣнія, даръ чудодѣйственной вѣры, проявленія высшаго духовнаго совершенства въ отреченіи отъ собственности, въ мученичествѣ за Христа, и говоритъ, что всѣ эти проявленія высшаго духовнаго совершенства тогда только имѣютъ дѣйствительную цѣну,

силу и дѣйственность для обладающаго ими, когда сопровождаются любовью или проистекаютъ изъ любви. Потому онъ и увѣщаетъ вѣрующихъ ревновать о любви, какъ о наибольшемъ изъ дарованій Духа: ревнуйте о дарахъ еще большихъ», (чѣмъ даръ языковъ, пророчества и чудотвореній сх. 28, 29, 31) «Превосходнѣйшій путь» къ высшему духовному совершенству есть любовь. А сэръ Г. Друммондъ объясняетъ, будто бы Ап. Павелъ просто сравниваетъ любовь „съ тѣмъ, чему люди придавали наибольшее значеніе въ тѣ дни“ (стр. 13). Даръ языковъ онъ подмѣнилъ простымъ краснорѣчіемъ: „Какой это благородный даръ,—воскликаетъ онъ: способность вліять на душу и волю людей“ словомъ своимъ! Апостоль сравниваетъ съ бездушнымъ музыкальнымъ инструментомъ чело­вѣка, предающагося въ богослужебныхъ собраніяхъ вѣрующихъ восторженной молитвѣ на незнакомомъ слушателямъ языкѣ и незаботящагося о назиданіи церкви (гл. XIII, сх. 1 слич. XIV, 2—9. 13—19); а сэръ Друммондъ толкуетъ это сравненіе просто о „пустотѣ и неубѣдительности краснорѣчія, не одушевленнаго любовью“. Также легкомысленно, отыгрываясь словами, пробѣгаетъ Г. Друммондъ сопоставленіе любви „съ пророчествомъ, съ тайнами, съ знаніемъ, съ вѣрой, съ милосердіемъ, съ мученичествомъ“ (стр. 14 и 15). И авторъ останавливается только на умаленіи вѣры предъ любовью и не столько самой вѣры, сколько вѣропроповѣданія; къ этой темѣ онъ не разъ возвращается и изъ тона разсужденія переходитъ даже въ патетическій тонъ ораторскаго увѣщанія. Съ этой мысли Г. Друммондъ начинаетъ свою рѣчь: „Мы привыкли слышать, что въ духовномъ мірѣ *veritas* есть высшее добро. Цѣлые вѣка вѣра лежала въ основѣ народной религіи. — Мы ошибались“ (стр. 7—8). „Вспомните, миссіонеры“, заканчиваетъ Г. Друммондъ первый отдѣлъ своего изслѣдованія „что вы... ничего не можете дать языческому міру выше... любви“ (стр. 15). „Откровеніе истины... не въ словахъ и проповѣдяхъ чело­вѣка“ (стр. 16). „Вамъ нужны годы, чтобы изучить китайскій языкъ или одно изъ нарѣчій Индіи; языкъ же любви,—единственный всенародный языкъ—будетъ изливать свое *безсознательное* краснорѣчіе со дня вступленія вашего на берегъ языческой страны. Въ сердцѣ Африки чернокожіе не понимали рѣчи Давида Ливингстона, но они понимали любовь, которой билось его сердце. Возьмите съ собой этотъ талисманъ и труды ваши принесутъ плодъ. Вы не можете взять съ собой ничего больше (!) и—ничего

меньше“! (стр. 16, 17) Итакъ, вотъ каково христіанство, рекомендуемое сэромъ Г. Друммондомъ для просвѣщенія міра языческаго. Иначе, говоритъ онъ, ваша проповѣдь „дѣлу Христа не принесетъ никакой пользы“, а результатомъ той проповѣди на всемірномъ языкѣ, которую разносилъ Ливингстонъ, сэръ Друммондъ вполне удовлетворяется: „они не понимали его рѣчи, но понимали любовь, которой билось его сердце. И—гдѣ бы вы ни напали на слѣды его въ этой дикой странѣ,—вездѣ лица людей точно свѣтлѣютъ, когда они вспоминаютъ добраго доктора, гостившаго у нихъ столько лѣтъ тому назадъ“ (стр. 16). Не берите съ собой и вы, проповѣдники христіанства, —„ничего меньше и *ничего больше*“. По правдѣ сказать, у сэра Г. Друммонда вѣра, повидимому, не больше въ почетѣ, чѣмъ у нашего автора „Трехъ старцевъ“ съ ихъ полуязыческой молитвой: „Трое васъ, трое насъ;—спасите насъ!“

Въ одномъ мѣстѣ проф. Друммондъ проговорился о природѣ христіанской любви: любовь человѣка къ человѣку онъ называетъ „лежащимъ на сердцахъ нашихъ отсвѣтомъ Божьей любви“ къ міру (стр. 15). Но—какъ мало мысль его занята этой природой и сущностью христіанской любви,—можно видѣть изъ той діалектической, (если не софистической) постройки понятій, посредствомъ которой профессоръ—дилетантъ богословія пытается установить связь между вѣрою и любовью. „Любовь выше вѣры“, говоритъ онъ, „потому, что цѣль выше средства. Къ чему служить вѣра? Къ соединенію души нашей съ Богомъ. Какая цѣль этого единенія? Чтобы человѣкъ уподобился Богу. Но Богъ есть любовь. Поэтому вѣра есть средство, а любовь цѣль“ (стр. 14)). Не будемъ говорить о той поправкѣ, какую всякій, думается, поспѣшилъ бы внести въ эту аргументацію. Если уподобленіе Богу есть цѣль, а Богъ есть любовь, то—очевидно,—средствомъ къ уподобленію Богу должно быть исполненіе сердца любовью: „будите *убо* милосердія, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть“, заключаетъ Господь Свое увѣщаніе людямъ—возвышаться отъ естественной человѣку любви къ любящимъ его до христіанской любви ко врагамъ (Лук. VI, 32—36). Итакъ не только вѣра, но и любовь есть средство къ уподобленію Богу, соединеніе же съ Богомъ есть уже послѣдняя цѣль не только нашего дѣланія въ жизни, но и всего дѣланія Божія въ мірѣ, какъ Творца, Промыслителя и Искупителя, послѣдняя цѣль всего Божественнаго домостроительства. „Я совершилъ

дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить“, говорилъ Искушительъ Отцу. „Отче святыи!—которыхъ Ты Мнѣ далъ, чтобы они были еди-но... да будутъ (же они) все едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино; да любовь, которою Ты Меня возлюбилъ, въ нихъ будетъ и Я въ нихъ“ (Іоан. ХІІ, 11. 21. 22. 26). Итакъ единеніе всехъ въ той любви Божіей, которая отъ Отца изливается на Сына любви Отчей (Кол. 1, 13), а ради Него, Духомъ любви Его изливается и въ наши сердца (Рим. V, 5) и всехъ объединяетъ въ Богѣ... Вотъ, по ученію евангельскому и апостольскому, послѣдняя цѣль дѣла Христова. Единеніе съ Богомъ отнюдь не средство къ этому, чтобы мы возлюбили ближняго „настоящей любовью“ (стр. 15) а не простой нервной жалливостью или, какъ называетъ Г. Друммондъ такого рода любовь, „милосердіемъ“, которое „можетъ быть и часто бываетъ вовсе безъ любви“ (стр. 14). Но средствомъ къ достиженію этой послѣдней цѣли всего домостроительства—единенія съ Богомъ и исполненія всехъ любовью Божественною,—Господь Иисусъ Христосъ поставляетъ пріемлемое *вѣрою* слово *откровенія*. Въ той же Своей послѣдней Первосвященнической молитвѣ ко Отцу Искушитель говоритъ: „Я открылъ имя Твое человѣкамъ, которыхъ Ты Мнѣ далъ; слова, которыя Ты далъ Мнѣ, Я предалъ имъ, и они приняли, уразумѣли, увѣровали и сохранили слово Твое; (сх. 6 и 8) слово Твое есть истина; освяти ихъ истиною Твоею; за нихъ я посвящаю (дѣлаю жертвою) Себя, чтобы и они были освящены истиною“ (сх. 17. 19). Такъ училъ,—сэръ Генри Друммондъ, такъ училъ Самъ Господь о вѣрѣ и любви. Онъ, говоритъ, что нужна проповѣдь, откровеніе, что нужно пріятіе ея вѣрою и уразумѣніе; это—откровеніе о томъ, какъ Господь посвящалъ Себя для освященія тѣхъ, которые „въ Немъ избраны“ Отцемъ, по Божественному Его предвѣднью, „прежде сложенія міра“. (Еф. 1, 4). А вы говорите, что вѣропроповѣдникамъ достаточно одного „безсознательнаго краснорѣчія“ любви.

Проявивъ въ первомъ отдѣлѣ своей рѣчи,—при „Сопоставленіи“ любви съ другими духовными благами,—свое рѣшительное нерасположеніе къ вѣрѣ и особенно къ вѣроисповѣдной проповѣди, сэръ Г. Друммондъ, при „Анализѣ“ любви, еще рѣшительнѣе выступаетъ проповѣдникомъ ученія, которое любовь къ людямъ ставитъ на мѣсто религіозности. Онъ говоритъ: Въ спектрѣ любви мы видимъ девять

лучей: терпѣніе, доброту, великодушіе, смиреніе, вѣжливость*), безкорыстіе, добродушіе, чистосердечіе, прямодушіе. Вы замѣчаете, что всѣ эти качества касаются отношеній къ людямъ, къ жизни, къ нынѣшнему и завтрашнему дню, а не къ далекой вѣчности. Мы много слышимъ "... (подразумѣвается: слышимъ съ церковной кафедры, — въ проповѣдяхъ даже и англиканскихъ клерджменовъ), — „мы много слышимъ о любви къ Богу; Христосъ много говорилъ о любви къ людямъ. Мы придаемъ большое значеніе примиренію съ небомъ“; (т. е. христіанскому ученію о грѣховности человѣка предъ Богомъ, о томъ, что Богъ примирилъ съ Собою міръ крестомъ и смертію Сына Своего (2 Кор. V. 18, 19. Рим. V, 10. Колосс. I, 20, 22. Еф. II, 16. Рим. V, 10, 11) и о нашемъ соответствіи покаяніемъ Божію прощенію нашихъ грѣховъ; (2 Кор. V, 20) дѣйствительно, у ап. Павла „мы много слышимъ о примиреніи съ небомъ; это — ученіе, раскрываемое имъ во всѣхъ почти его посланіяхъ). Иначе смотритъ на это Г. Друммондъ; онъ говоритъ: „мы придаемъ большое значеніе примиренію съ небомъ; Христосъ заботился о мірѣ на землѣ“ (стр. 19, 20). „Вспомните, сколько времени Христосъ отдавалъ добрымъ дѣламъ, простому дѣланію добра. Половину Своей жизни Онъ отдавалъ просто на то, чтобы люди были счастливы; помогаль имъ то тутъ, то тамъ“. Физикъ пустившійся въ богословіе, дѣлаетъ изъ Господа Иисуса Христа простаго благотворителя современной Ему іудейской толпы и во все не обращаетъ вниманія на основаніе, цѣль и харак-

*) Немного странно встрѣтить такое житейское качество, какъ «вѣжливость», въ ряду добродѣтелей, на какія разлагаетъ Г. Друммондъ любовь христіанскую; но отвѣтственность здѣсь лежитъ только на самомъ Г. Друммондѣ (не думаемъ, чтобы на переводчикѣ); Апостолъ говоритъ только: «любовь не безчинствуетъ», греч. *асхимонин*, лат. *agere indecore*: Лютеръ переводилъ *Sie stellt sich nicht ungeberdig(!)*; Французскій Остфальдовскій переводъ: *elle n'est poin malhonnête*; англійскій переводъ (международнаго Общества) *Doth not behave itselt unweemly*, — неприличія. Въ понятіе *вѣжливости*, (у насъ, покрайней мѣрѣ, на русскомъ языкѣ), входитъ не одно представленіе о приличіи и деликатности, подсказываемыхъ всякому порядочному человѣку его сердцемъ, а и цѣлая масса приличій условныхъ, которая надобно *выдать* чтобы не дѣлать проступковъ противъ этого кодекса и *невѣжество* въ которыхъ устраняется только благососпитанностью. Вотъ почему, намъ кажется, понятіе вѣжливости не совсѣмъ вытекаетъ изъ словъ Апостола: «любовь безчинствуетъ».

теръ чудесныхъ благодѣяній Христовыхъ (если еще признаетъ Г. Друммондъ чудеса), на связь между чудесами и вѣрою, на отношеніе чудесныхъ благодѣяній Христовыхъ къ вѣрѣ приѣмлющей. Если дарованіе чудесныхъ благодѣяній народу Божию было въ зависимости только отъ Христова милосердія, Мѡ. XX. 34. IX, 36. XIV, 14. XV. 32. Мр. I, 41. IX, 22. VI, 34. VIII, 2. Лк. VII, 13), то не было бы больного въ Израилѣ въ тѣ времена, который бы не получилъ исцѣленія, не было бы отца, матери, сестры, которымъ бы не были возвращены оплакиваемые ими дочь, сынъ, братъ. Господь не оказалъ еще большаго числа чудесныхъ благодѣяній народу Божию не по недостатку времени на то у Благодѣтеля, а по недостатку вѣры у благодѣтельствуемыхъ. „И не могъ Иисусъ (въ своемъ отечественномъ городѣ) совершить никакого чуда; только на немногихъ больныхъ, возложивъ руки, исцѣлилъ ихъ“ (Мр. VI, 6). „Не могъ“ не потому, что не успѣлъ; „немногихъ“—не потому, что мало было страждущихъ, или что Ему было ихъ не жалко. Евангелистъ вслѣдъ затѣмъ объясняетъ: „И дивился невѣрію ихъ“, какъ причинѣ, по которой при источникѣ вѣянія благодати не оказывалось руки простертой и почерпающей. Одинъ такой невѣрующій отецъ, препобѣждавшій инертностію своего невѣрія силу вѣры учениковъ Христовыхъ и препятствовавшій тѣмъ исцѣленію сына своего (Мѡ. XVII, 16, 20), говорилъ Господу: „если что можешь, скажись надъ нами и помоги намъ“. Господь тѣми же словами отвѣчалъ невѣрующему: „если что можешь вѣровать,—все возможно вѣрующему“ (Мр. IX, 22, 23). И Самъ Господь увѣрялъ апостоловъ на послѣдней вечери: „вѣрующій въ Меня, дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворить, и больше сихъ сотворить“ (Іо. XIV. 12). Итакъ не съ бѣдствіями только человечества стояли въ связи благодѣянія, на дѣланіе которыхъ, по мнѣнію Г. Друммонда, Господь Иисусъ Христосъ посвящалъ все Свое время; у Него было другое единое великое „дѣло“, дѣло, „которое далъ“ Ему Отецъ, „да совершить Онъ его“ (Іо. XVII, 4) и къ которому чудеса были только средствомъ. Однажды Господь сказала, въ отвѣтъ на данный Ему фарисеями совѣтъ—удалиться изъ области Иродовой, гдѣ—будто бы—угрожала опасность Его жизни: „подите, скажите этой лисицѣ: вотъ я изгоняю бѣсовъ, и совершаю исцѣленія сегодня, и завтра, и въ третій день кончу; а впрочемъ *Мнѣ должно* (еще здѣсь) ходить сегодня, завтра и въ послѣдующій день“ и пр. (Лк. XIII,

давалъ просто на то, чтобы люди были счастливы. Любите и вы людей; радуйте людей, не пропускайте случая радовать ихъ. Счастье окружающихъ насъ людей въ нашихъ рукахъ; оно въ значительной степени зависитъ отъ нашей къ нимъ доброты“ (стр. 21—23). „Высшее благо не есть что-нибудь внѣшнее, особое, а только направление, въ высшемъ смыслѣ, безчисленныхъ словъ и дѣлъ, составляющихъ нашу простую ежедневную жизнь“ (стр. 21). Чѣмъ это ученіе отличается отъ ученія гр. Л. Н. Толстого и другихъ отрицателей всякой религіи, старающихся вразумить человѣчество, что его Высшее благо не есть что-либо или Кто-либо внѣ человѣка существующее, а есть усладительное для сердца человѣческаго сознание нашей благотворной, разливающей вокругъ дѣятеля счастье, нашей дѣятельности? Это еще Шиллеровское, навѣянное Кантомъ: *ich fordre meinen Lohn!—Dein Lohn ist abgetragen!*

А вотъ и еще откровеннѣе: „Въ религіи не надо видѣть чтонибудь постороннее, прикладное *), а вдохновеніе текущей жизни“ (стр. 20). „Откажитесь отъ мысли, что религія дана намъ случайно или чудомъ, или прихотью (?) **). Религія слѣдуетъ естественнымъ законамъ,—или сверхъестественнымъ, потому что всѣ законы божественны“ (стр. 40). Чье эта воззрѣніе? „Религія слѣдуетъ естественнымъ законамъ“. Въ утѣшеніе вѣрующихъ, Г. Друммондъ сейчасъ же изъясняетъ готовность назвать эти законы и „сверхъестественными“,—но это только потому, что въ сущности не допускаетъ разности между сверхъестественнымъ и естественнымъ, „ибо“ (для него, какъ для натуралиста, равно) „всѣ законы божественны“. Итакъ внушаетъ Г. Друм-

*) Сомнѣваемся: слово—«прикладное»—передаетъ ли мысль подлинника?

***) Теоріи случайнаго происхожденія религіи всѣмъ извѣстны; «религія дана намъ чудомъ»—этими словами Г. Друммондъ формулируетъ ученіе вѣрующихъ о томъ, что религія не есть явленіе случайное, а сверхъестественное; объясненіе происхожденія религіи «прихотью» понять не такъ легко; если даже вмѣсто слова «прихоть» поставить слово «произволь», на что даетъ, новидимому, право слѣдующее далѣе противоположеніе неизмѣнныхъ законовъ всѣмъ тремъ, только-что упомянутымъ, способамъ объясненія происхожденія религіи, то чья это прихоть,—чей произволь?—произволь ли людской, предполагаемый тѣми, кто считаетъ религію за явленіе, придуманное людьми?—или произволь Божій, такъ какъ Всемогущій, по представленію нѣкоторыхъ, могъ дать, могъ и не дать о Себѣ откровеніе человѣку?

мондъ въ своей рѣчи рабочимъ, — „религія не есть что-нибудь постороннее“, отвѣтъ намъ данное; она есть плодъ естественнаго развитія чловѣка: съ постепеннымъ переходомъ изъ состоянія четверорукаго къ виду animal ridens, чловѣкъ выработывалъ себѣ и представленіе о Божествѣ, проходя ступени фетишизма, анимизма, антропоморфизма***), религиозныхъ воззрѣній Сократа и Платона, Канта, Гегеля, Фейербаха... Слава Богу, что не только лондонскіе рабочіе не поняли фразъ Г. Друммонда о религіи, но, можно надѣяться, онъ и самъ не знаетъ, къ какой безднѣ отрицанія и извращенія всего, Богомъ откровеннаго, приводитъ путь, на который онъ вступилъ, идя по чужимъ слѣдамъ!...

Генри Друммондъ говоритъ и о началѣ любви въ чловѣкѣ, — о томъ, какъ и отчего она является въ сердцѣ; но, вѣрный своему натуралистическому положенію, что „религія слѣдуетъ естественнымъ законамъ“, и здѣсь онъ отрицаетъ все сверхъестественное и таинственное. „Любовь Божія“, говоритъ онъ, „смягчаетъ самое зачерствѣлое сердце, зараждаетъ новаго чловѣка, — терпѣливаго, кроткаго, любящаго“; но „тайны тутъ нѣтъ никакой“ (стр. 46). Таковъ законъ природы; все — дѣло простаго подражанія. „Любовь есть явленіе“, говоритъ богословствующій натуралистъ-философъ, „которое можетъ имѣть мѣсто при извѣстныхъ условіяхъ“ (стр. 44). Причина, вызывающая это явленіе, указывается, говоритъ онъ, въ 1 посланіи Ап. Іоанна. „Будемъ любить, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ“ (III, 69). Не безъ намѣренія Г. Друммондъ опустилъ здѣсь у Апостола одно словечко; оно ему мѣшаетъ; у Апостола говорится: „Будемъ любить Его“ — Бога, „потому что Онъ“ — Богъ — „возлюбилъ насъ“; а Г. Друммондъ, какъ мы видѣли, не благоволитъ къ такому направленію христіанскаго ученія, считаетъ его клерикальной подмѣной истиннаго Христова ученія: „Мы много слышимъ о любви къ Богу; Христосъ много говорилъ о любви къ чловѣчеству“ (стр. 20). Вотъ онъ и перефразируетъ слова Апостола, постепенно приспособляя ихъ къ своей проповѣди житейскаго чловѣколюбія: „Потому что Онъ

***) Достоинно вниманія, что изъ произведенія пр. Хрисанова: «Религіи древняго міра», эта теорія дѣликомъ зашла и въ семинарскій учебникъ по основному Богословію.

прежде возлюбилъ насъ“, поэтому, *какъ неизбежное слѣдствіе*, и мы любимъ Его, любимъ всѣхъ людей“ (стр. 44, 45). Но, понятно, не легко Г. Друммонду доказать, будто бы взаимная любовь между людьми есть „неизбѣжное слѣдствіе“ любви къ намъ Божіей. Къ неизбежному не нужно было бы убѣждать; а онъ еще только убѣждаетъ къ такой любви; да и то, — самъ не знаетъ еще, какъ пересадить намъ въ наши души это живое, *отвлеченное* (?) цѣлое, которое не есть только сумма ея частей, а нѣчто такое, чего нельзя и опредѣлить“ (стр. 43, 44). „Какимъ образомъ“, спрашиваетъ г. Друммондъ, „люди, погружаясь въ потокъ мировой жизни“, „живя среди дѣлъ, заботъ, трудностей и препятствій“, „научаются любить“? И онъ даетъ такіе совѣты: „Напряжемъ всю силу нашей воли! Будемъ подражать людямъ, имѣющимъ уже любовь! Намѣтимъ себѣ правило жизни! Будемъ молиться! Будемъ ждать!“ И сейчасъ же самъ подрываетъ вѣру въ свои совѣты, продолжая: „Но и всѣ эти пути, сами по себѣ, не приведутъ насъ къ любви“ (стр. 44). И единственную „причину“, „неизбѣжнымъ слѣдствіемъ“ которой бываетъ „явленіе“, называемое любовью, указываетъ, наконецъ, въ предваряющей нашу любовь любви къ намъ Божіей. А между тѣмъ, какъ скоро началъ объяснять эту *неизбѣжную* связь между любовью къ намъ Божіей и нашей любовью къ людямъ, такъ и опять переходитъ къ совѣтамъ и убѣжденіямъ и даже къ ученію объ обязательности: „вы должны“ (стр. 45). Онъ убѣждаетъ: „Смотрите на любовь Христа, взглядывайтесь въ этотъ *совершенный характеръ*, въ эту совершенную жизнь, въ великую жертву всей Его жизни, совершившуюся на крестѣ Голговы и вы полюбите, — вы не можете не полюбите Его. Полюбивъ Его, *вы должны* *) подражать

*) Въ какомъ смыслѣ стоитъ здѣсь это — «вы должны»? — въ смыслѣ ли неизбежной причинной связи, или въ смыслѣ нравственной обязательности для насъ такого подражанія, которая и служитъ стимуломъ къ подражанію, какъ это, напримеръ, говоритъ и Апостоль: «Возлюбленные! если такъ возлюбилъ насъ Богъ, то и мы должны любить другъ друга» (1 Иоан. IV, 11). Апостоль указываетъ здѣсь стимулъ любви, живо ощутительный для сердца, проникнутаго любовію къ Богу. „Любовь Божія объемлетъ“ сердце наше, говоритъ другой Апостоль, какъ скоро мы подумаемъ только, „что Христосъ за всѣхъ умеръ“! (2 Кор. V, 14, 15). Но для такого, охваченнаго любовію Христоваго сердца, не нужно уже подражаніе, по рецепту, приводимому выше: „будемъ подражать людямъ, имѣющимъ уже любовь“. Не по подражанію людямъ, не по подражанію Христу, а по не-

Ему. Любовь вызывает любовь. Оставайтесь всегда съ Тѣмъ, полюбилъ насъ и отдалъ за насъ свою жизнь,—и вы тоже сдѣла-
 тесь постоянно привлекающей силой; какъ Онъ, вы привлечете къ
 себѣ всѣхъ людей; какъ Его, васъ самихъ будутъ притягивать всѣ
 люди. Это неизбежное дѣйствіе любви“ (стр. 45). Вотъ это такъ!
 Это правда! Но, какъ же говорить послѣ этого, что „тайны тутъ нѣтъ
 никакой“. Нѣтъ—„великая благочестія тайна“ въ томъ, что Богъ
 явился во плоти“ и проявилъ себя „Духомъ Святымъ“ (1 Тим. III,
 16) въ вѣрующихъ, въ которыхъ „любовь Божія... зарождаетъ новаго
 человѣка, терпѣливаго, кроткаго, незлобиваго, любящаго“ (стр. 45).
 И источникъ христіанской любви указанъ вѣрно сэромъ Генри Друм-
 мондомъ въ изреченіи Ап. Іоанна: „Потому что Онъ прежде возлю-
 билъ насъ“. Оказалась неудачною только попытка его вывести изъ
 этого начала наше человѣколюбіе, какъ естественное произведеніе на-
 шего подражанія Христу. Апостольское же ученіе о происхожденіи
 любви христіанской таково: „Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ
 Сына Своего Единороднаго“ и предопредѣлилъ „послать его въ міръ“
 для воссозданія міра (Іоан. III, 16. 17). Такъ возлюбилъ міръ Еди-
 нородный Сынъ Божій, что „входя въ міръ, говоритъ“ въ предвѣч-
 номъ Тройческомъ совѣтѣ: „иду исполнить волю Твою, Боже!“ (Евр.
 X, 5, 9) хотя Его Божественному вѣдѣнію и тогда предстоялъ, какъ
 бы настоящій, часъ Геосиманскихъ страданій и Голгооской муки. Но
 эта любовь къ міру Небеснаго Отца, простирающаяся къ міру и въ
 Божественномъ Сынѣ, вызвавшая міръ изъ небытія ради тѣхъ, кото-
 рые были Предвѣчнымъ отъ вѣка провидѣны и предъизбраны въ Сынѣ
 (Еф. I, 4), любовь, имѣющая составить нѣкогда и вѣчное блаженство
 избранныхъ (Іоан. XVII, 26, 24), есть собственно любовь Превѣч-
 наго Отца къ Собезначальному Сыну. Вотъ эта *любовь Божія*, кото-
 рою Онъ „прежде возлюбилъ насъ“—„прежде сложенія міра“. Эта
 „любовь Божія и излилась (благодатно и таинственно) въ сердца на-
 ши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ“ (Рим. V, 5) въ день избавле-

удержимому влеченію объятаго любовію сердца расточаютъ они всѣмъ и всюду
 любовь свою. А вѣдь вопросъ былъ въ томъ, какъ только еще пересадить въ
 сердце любовь, которой нѣтъ еще здѣсь!... „Мы должны подражать“,—здѣсь не
 помочь! Да, скажу я, скажетъ и другой, подобный мнѣ живой мертвецъ,—
 вижу любовь Христову и—остаюсь холоденъ...

нія“ (Еф. IV, 30). Любовь вѣрующихъ къ Господу Иисусу Христу ихъ благодѣтелю, была только средствомъ къ преисполненію сердець ихъ любовію Божественною: Господь говорилъ: „Кто любитъ Меня, тотъ возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Я возлюблю его, и Мы придемъ къ Нему“ (въ силѣ Святаго Духа, исполняющаго сердца вѣрующихъ), „и обитель у него сотворимъ“ (Іоан. XIV, 21, 23), т. е. устроимъ Себѣ въ сердцѣ его наше постоянное обиталище. „А что Онъ“ - Трїединый—, пребываетъ въ насъ, (это мы именно) узнаемъ по духу (любви къ Богу и къ людямъ), который Онъ далъ намъ (1 Іоан. III, 24),— узнаемъ потому, „что Онъ далъ намъ отъ Духа Своего“ (IV, 13). „Если мы любимъ другъ друга, то (это уже есть признакъ, что Богъ въ насъ пребываетъ (1 Іоан. IV, 12) и наоборотъ — ненависть къ брату есть признакъ, что нѣтъ любви къ Богу въ сердцѣ, не любящемъ ближняго (сх. 20). Но то самое, „что мы любимъ дѣтей Божіихъ, мы узнаемъ изъ того, когда любимъ Бога“ (V, 2). Вотъ какая тѣсная связь существуетъ, по ученію Апостольскому, между любовію къ Богу и любовію къ ближнему; первая есть корень и основаніе христіанской любви къ ближнему.

Подведемъ нѣкоторые итоги сказанному: „Высшее благо, говоритъ Г. Друммондъ, не есть что нибудь внѣшнее, а только (извѣстное) направленіе словъ и дѣлъ, составляющихъ нашу простую ежедневную жизнь“ (стр. 21). Нѣтъ! Высшее благо души человѣческой не есть нѣчто субъективное только, въ самой только душѣ заключающееся. Высшее благо есть любовь; но „Богъ любовь есть“, это *внѣшнее* по отношенію къ душѣ нашей, *особое*, т. е. объективное вѣчное благо и должно быть усвоено нашей душею, перестать для нея быть „внѣшнимъ и особымъ“ отъ нея, такъ чтобы Оно, это Высшее Благо пребывало въ душѣ и душа пребывала въ Немъ.

„Что мы несомнѣнно знаемъ объ условіяхъ будущей жизни, это — что любовь должна пребыть. Богъ вѣчный есть Любовь“, (стр. 54) говоритъ и сэръ Г. Друммондъ. Если же Самъ „Христосъ, въ насъ“, въ сердца наши вселившійся, есть единственное основаніе нашей надежды, — „упованіе наше“ (Кол. I, 27) на вѣчное блаженство въ общеніи Вѣчною Любовію; то совсѣмъ не безразличное дѣло *вѣра*, ибо по ученію Апостола, именно „вѣрою вселяется Христосъ въ сердца наши“ (Еф. III, 17). То правда, что на послѣднемъ „судѣ намъ придется отвѣчать не на вопросъ: *какъ* мы вѣрили, а — какъ мы

любили“, но это потому, „что любовь будетъ въ тотъ великій день мѣриломъ моей вѣры“. И совсѣмъ уже неправда, будто къ оправданію или къ осужденію моему на судѣ будетъ имѣть силу одно „то, какъ я выполнялъ мелкія, невидныя дѣла обыденнаго милосердія“, а не то, чему человекъ вѣрилъ и чего (по вѣрѣ своей) достигъ“ (стр. 61, 62). Напротивъ, — именно послѣднее: *достигъ* ли онъ вселенія Христа въ сердце, исполненія сердца Божественною Любовію, — и рѣшаетъ на всю вѣчность блаженное единеніе его съ Высшимъ Благомъ или бѣдственнѣйшее, погибельное лишеніе этого Единаго Вѣчнаго Блага. Самая рѣчь Г. Друммонда вызвана тѣмъ, что, по его мнѣнію, другіе современные проповѣдники ставятъ преграды достиженію Высшаго Блага ихъ слушателями вслѣдствіе того, что ихъ проповѣдь уклоняется отъ истиннаго ученія Христа; Христосъ говорилъ о любви къ ближнему, а они проповѣдуютъ о любви къ Богу; Христосъ о мирѣ на землѣ, а они о примиреніи съ небомъ, Христосъ о нынѣшнемъ и завтрашнемъ днѣ, а они о далекой вѣчности (20 стр.). Онъ о любви, а они — о благочестіи (стр. 61). Они предлагаютъ миръ, а не жизнь, — вѣру, а не любовь, — оправданіе, а не возрожденіе (стр. 56). Пришедши самъ, съ годами, къ иному пониманію Христова ученія, Г. Друммондъ и другимъ сталъ указывать иной путь къ достиженію Высшаго Блага. Онъ говоритъ: „когда я былъ ребенкомъ, меня учили, что Богъ такъ любитъ міръ, что, *если я повѣрю Ему*, то буду имѣть миръ, или покой, или радость, или безопасность“. Впослѣдствіи онъ „долженъ былъ самъ дойти до убѣжденія, что учить такъ, значить „предлагать людямъ только шепотку Евангелія“, какъ онъ выражается, потому что Евангеліе предлагаетъ людямъ не тѣ или другія частныя блага, а *жизнь* (стр. 54, 55). Такъ, самъ Г. Друммондъ признается, что въ основѣ христіанской этики лежитъ такое или другое *пониманіе* Христова ученія, т. е. вѣроученіе. Но, повидимому, онъ полагаетъ, что для исполненія нашего сердца любовію достаточно одного только догмата вѣры — о любви Божественной къ міру, простершейся до Голговской жертвы. „Когда я былъ ребенкомъ, мнѣ не говорили, что Богъ такъ любитъ міръ, что далъ Своего Единороднаго Сына, чтобы всякій вѣрующій въ Него имѣлъ жизнь вѣчную. Меня учили, что Богъ такъ любитъ міръ, что если я повѣрю Ему“... и пр. Игнорируя столько разъ повторяемыя здѣсь слова Апостола: „всякій *вѣрующій*“, (Іо. III, 15, 16, 18) Г. Друммондъ старательно

изглаживають, гдѣ только это можно, слово *вѣра*. „Я долженъ былъ самъ дойти, продолжаетъ онъ, до (пониманія), что, *кто вѣруетъ въ (Бога), т. е. кто любитъ Его*, тотъ будетъ имѣть жизнь“. На мѣсто слова *вѣра* уже подставлено *любовь*, тогда какъ любовь и вѣра со-всѣмъ не „*то* (же) *есть*“; самъ же онъ говоритъ, что любовь цѣль, а вѣра средство; подставляя цѣль на мѣсто средства, Генри Друммондъ старается внушить, что цѣль можетъ быть достигнута помимо указываемаго Богомъ къ достиженію ея средства. Это и есть идея всей его брошюры. Слѣдуя не Г. Друммонду, а самому Ап. Павлу, котораго Г. Друммондъ взялся комментировать, посмотримъ, какъ учить Апостоль о спасающей вѣрѣ.

Въ „вѣрѣ къ спасанію души“ (Евр. X, 39) указывалъ Апостоль основу спасенія и ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ (XI, 2), и начиная съ Авеля, въ которомъ любовь къ Богу или, какъ нынѣ сказали бы — религіозность давала еще такой обильный плодъ на неистощенной почвѣ сердца, что человѣку для того, чтобы непрестанно чувствовать себя въ присутствіи Божиёмъ (ходить предъ Богомъ, Быт. V, 22), достаточно было такихъ общихъ понятій о Богѣ, такихъ несложныхъ воззрѣній на отношеніе Бога къ человѣку, что „Богъ есть и что стремящимся къ Нему душею своею Онъ соотвѣтствуетъ Своею любовью (воздасть, (Евр. XI, 6). Для поддержанія и оживленія этой врожденной любви къ Сущему нужно только было постоянно являть Себя „ищущимъ Его“ въ ихъ обыденной жизни, въ ихъ семейно-патріархальномъ быту. Это и изображаетъ Ап. Павелъ во всей XI главѣ своего посланія къ Евреямъ; это постоянно высказывается въ нареченіи матерями имени, а иногда и отцами, раждавшимся у нихъ дѣтямъ (Быт. IV, 1, 25, V, 29, XVI, 11, 13, 15. XXIX, 32—35. XXX, 6, 8, 11, 13, 18, 20, 23, 24. Исх. 11, 22), въ нареченіи различныхъ урочищъ, — во всѣхъ подробностяхъ историческихъ сказаній о патріархальномъ періодѣ жизни человѣчества. По мѣрѣ оскуднѣнія такого живого ощущенія человѣкомъ постоянного его общенія съ благодѣющимъ Господомъ, нужно было яснѣе и яснѣе открывать людямъ, что Сущій, „ищущимъ Его“ соотвѣтствуетъ Своею любовью, яснѣе и яснѣе вырисовывать въ отдаленномъ будущемъ тотъ, туманный вначалѣ, образъ потомка жены, будущаго побѣдителя змія (Быт. III, 15), упокоителя земли отъ проклятія (V, 29), источникъ благословенія и надежду всѣхъ народовъ земли (XXII, 18, XCIX, 10). Образъ

этого Помазанника (1 Цр. II, 10) сталъ было сливаться съ образами помазанниковъ-царей, особенно такихъ, какъ Давидъ и Соломонъ. Но вскорѣ и этотъ видимый образъ Помазанника грядущаго раскололся и такъ отемненъ былъ отступленіемъ царей отъ Бога, что кончился съ тѣмъ вмѣстѣ и самый періодъ, когда вѣра, т. е. религіозность читателей истиннаго Бога питалась и поддерживалась видимыми образами земного, родового и государственнаго быта; выступаютъ пророки съ болѣе и болѣе отрѣшенными отъ прообразовъ, своими пророчествами. Помазанникъ, надежда всѣхъ народовъ, является уже теперь въ ихъ предсказаніяхъ и младенцемъ, и Богомъ, Отцемъ вѣчности (Ис. IX, 6), Судія земли—кроткимъ и бережливо-милостивымъ къ слабости и несовершенству (XLII, 1—4), униженнымъ и страждущимъ за грѣхи народа (LIII). Вмѣстѣ съ тѣмъ и надежды вѣрующихъ переносятся на жизнь по воскресеніи (Ис. XXVI, 19—21. Дан. XII, 13). И только въ заключеніе этого цѣлаго ряда откровеній Божественныхъ, —(въ прообразованіяхъ сначала, въ пророчествахъ, болѣе или менѣе отрѣшенныхъ отъ прежней образности, потомъ),—возвѣщено было наконецъ: „такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего единственнаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. III). Это было уже окончательное раскрытіе любви къ міру Бога, Отца его; только въ конецъ омертвѣвшія сердца не откликнулись живымъ чувствомъ благодарной любви на эту „любовь Божію“. „Кто (и этому откровенію) не будетъ вѣровать“, не откликнется сердцемъ „осужденъ будетъ“ (Марк. XVI, 16). А живые сердцемъ восклицали: любовь Божія охватываетъ насъ, какъ только мы вспомнимъ и подумаемъ, что Христосъ за всѣхъ умеръ, (2 Кор. V, 14, 15), да еще за грѣшниковъ (Рим. V, 6—8)! Но и всѣ предшествующія откровенія, начиная отъ ощущеній, возбуждаемыхъ въ сердцахъ родителей красотою новорожденнаго младенца (Евр. XI, 21), имѣли тоже значеніе и назначеніе, какъ и послѣднее откровеніе любви Божіей на Голгоѣ: (Отче! отпусти имъ...)—т. е. возбуждать въ сердцахъ живое отношеніе къ Искомому Вышему Блугу, называемое вѣрою, надеждою на Него, любовью къ Нему. Такъ вѣрою была охраняема, поддерживаема въ сердцахъ та любовь къ Богу, которую приносить съ собою въ міръ всякій человѣкъ, какъ священный елей въ сосудѣ своего сердца. Но какъ часто „свѣтильникъ“ этотъ вмѣсто того, чтобы разгараться, видимо, на глазахъ нашихъ, угаса-

еть!... (Матѳ. XXV, 8). Вотъ для чего „вѣрою мы получили доступъ къ благодати и стоимъ въ ней надеждою, которая не постыждаетъ потому, что любовь Божія (уже не по законамъ нашей природы, а чудесно,—силою Божіею) излилась (снова и преизобильно) въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ“ (Рим V, 2. 5. 6) „въ день избавленія“ (Еф. IV, 30). „День избавленія“ это — день, когда начинается въ человѣкѣ эта новая благодатная жизнь, когда, чрезъ омовеніе водою, онъ рождается отъ Духа (Іо. III 5). Невѣрующіе учителя и нынѣ спрашиваютъ: „какъ это можетъ быть“? но Господь въ отвѣтъ сослался только на Свое Божественное происхожденіе съ неба и требовалъ вѣры небеснымъ тайнамъ (11. 12). Большою частию въ тотъ же день избавленія, когда „дыханіе жизни“ оживляетъ мертвенную „плоть, рожденную отъ плоти“ (сх. 6. Быт. II, ч.) „запечатлѣвается“ человѣкъ, получая „задатокъ Духа въ сердце“ свое (2 Кор. I, 22), получая силу Духа Святаго и на то самое, чтобы вѣровать во Иисуса, какъ въ Господа (1 Кор. XII, 3), и возможность достигать дарованій высшихъ, до „превосходнѣйшаго“ изъ числа дарованій Духа (8—10, 28—31) — любви. Этими чудесными дѣйствіями „благодати“ Божіей по „вѣрѣ во Христа“ (Рим. V, 2) открывается намъ возможность и постоянно „исполняться Духомъ“, возбуждая таинственное „воспѣваніе Господу въ сердца“ чрезъ посредство „псалмовъ, словесовъ и пѣснопѣній“, сложенныхъ духоносными отцами (Еф. V, 18. 19). Этими чудесными дѣйствіями „благодати“ Божіей, по вѣрѣ во Христа“, открывается возможность вѣрующему „исполняться всею полнотою Божіею“ (III, 19), приѣмля во „плоти и крови“ Христовой Самый „Духъ, Который животворить“ (Іо. VI, 63), приѣмля въ нихъ ту самую жизнь, которая отъ Отца изливается въ Сына и чрезъ Сына во всѣхъ, соединяющихся съ Нимъ (сх. 54—57). Такимъ то образомъ Богъ, Который есть по существу Своему Любовь (I Іо. IV, 8), а по отношенію къ намъ назъ Высшее Благо, приходитъ къ намъ и вселяется въ насъ, въ слѣзъ Духа Святаго и исполняетъ насъ любовію Божественною (Іо. XIV, 23). Эта любовь преизливается и на дѣтей Божіихъ, — братьезъ нашихъ, *а не наоборотъ*.

Горе душъ, въ которъей не могутъ возбудить жизненныхъ движеній любви даже и эти чудесныя Богодарованныя средства! „Земля, пившая многократно сходящій на нее дождь (благодатныхъ даровъ) и... производящая терніе и волчцы (безжалостности и злобы), близка

къ проклятію, котораго конецъ сожженіе гнѣвомъ Божиимъ (Евр. 7, 8). И наоборотъ, — лишеныя, по заблужденіямъ вѣры своей, многихъ чудесныхъ источниковъ животворной благодати Божіей, но являющіе въ себѣ такую духовную силу и жизненность, какъ этотъ самый Генри Друммондъ, котораго любовь къ братьямъ сдѣлала ихъ учителемъ — (Ю. XXI, 15), такія любящія души возстанутъ нѣкогда на судъ съ нами — православными и могутъ осудить нашу безжизненность и вялость. Но — что было бы, — какой приливъ духовной жизни въ тѣлѣ Христовомъ — Церкви произошелъ бы, когда бы такія, полныя еще естественной жизненности, души приняли бы и веѣ преизобильно на насъ въ Церкви Православной изливающимися Божественныя благодатныя дарованія! Апостоль подобное, съ несомнѣнною вѣрою ожидаемое имъ, явленіе называетъ воскресеніемъ челоѣчества изъ мертвыхъ здѣсь же еще на землѣ (Рим. XI, 15). И вотъ, — то живое, что даетъ себя ощущать сердцамъ вѣрующихъ въ произведеніяхъ подобныхъ учителей, — привлекаетъ къ этимъ ихъ произведеніямъ вниманіе и сердечное сочувствіе православныхъ. Мы — православные — питаемся отъ трапезы ихъ, вмѣсто того, чтобы имъ предлагать чистый хлѣбъ истиннаго Христова ученія, по неложному пониманію непосредственныхъ учениковъ Христовыхъ — св. Апостоловъ. Мы — неоплатные должники предъ неправославнымъ Западомъ и, вмѣсто того, чтобы пускать въ оборотъ вѣренннй намъ Домовладыкою талантъ Православія, скрываемъ его въ землю своею лѣнностію.

(Изъ „Сам. Еп. Вѣд.“).

Обозрѣніе Карталинскихъ церквей Высокопреосвященнѣйшимъ Владимиромъ, Экзархомъ Грузіи.

(Продолженіе *)

Изъ Мегврекиси Владыка пожелалъ прослѣдовать черезъ *Дици*, гдѣ по осмотрѣ церкви и ея принадлежностей, изволилъ направить путь въ с. *Арбо*. Здѣсь, по преданію, еще при Тamarѣ Великой (1184—1212 г.) былъ выстроены храмъ и сюда изъ *Гери* перенесли, по ея приказанію, Чудотворную икону Великомученика Георгія съ его

*) См. «Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» № 15 за 1897 г.

святыми мощами. Икона эта была прислана въ даръ Иверскому Царю Византійскимъ Императоромъ. Стараніями покойнаго протоіерея Іакова Ломаури полстолѣтія тому назадъ заложенъ былъ фундаментъ этого храма и выведены стѣны, а лѣтъ семь тому назадъ храмъ былъ доконченъ и освященъ. Нигдѣ въ Грузіи не бываетъ такого громаднаго стеченія народа для богомолья и торговли, какъ въ Арбо во время храмоваго праздника. Послѣ Успенія Пресвятыя Богородицы, въ первый воскресный день, въ Арбо бываетъ первый многолюдный праздникъ (საღვ ღვინობის დღე), который можно назвать *демократическимъ*, ибо въ это время почти исключительно богомольцы бываютъ изъ крестьянъ. Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье (საწმინდო)—праздникъ *аристократическій*, а въ третье воскресенье—*смѣшанный*, но также многолюдный. Вся громадная площадь предъ церковью наполняется богомольцами и торговцами. Праздникъ Арбойскій имѣетъ характеръ ярмарки, на которой торговля идетъ довольно бойко. Главный Арбойскій храмъ пока безъ купола, который предполагается возвести, когда храмъ соберетъ нужныя для этого средства. Богомольцы по старой памяти больше почитаютъ древнюю маленькую церковь, находящуюся южнѣе отъ новаго храма.

Изъ Арбо Владыка желалъ посѣтить *Мерети*, но бѣшенная рѣка *Малая Лиахва* послѣ бывшихъ предъ тѣмъ ливней такъ сильно разлилась, что не было ни какой физической возможности переправиться ни на арбѣ, ни верхомъ, поэтому Владыка приказалъ направиться въ с. *Эредви*. Здѣсь въ серединѣ села возвышается крѣпость, а въ ней старая церковь, построенная на тепломъ пепелищѣ языческаго огня. Владыка изволилъ обратить вниманіе на оригинальный и типичный характеръ церкви. Она имѣетъ кругомъ довольно оригинальную крытую каменную галерею, имѣющую въ южной ея части двѣ колонны съ древнѣйшею надписью *асомтврули* (заглавное церковно-грузинское письмо), которая въ настоящее время трудно разбирается.

Въ этомъ же селѣ есть маленькая церковь—часовня *Кохисъ-Джвари* (კახის ჯვარი), или *мархва-чаміа хати* (образъ постоѣдъ). Происхожденіе такого страннаго названія объясняютъ такъ: храмовой праздникъ Кохисджварскій падаетъ постоянно на третью пятницу по Пасхѣ. Въ виду поста богомольцы въ прежнее время на храмовомъ праздникѣ воздерживались отъ скоромнаго и ѣли *Кобчхила* (петровы батоги)—довольно жилистое растеніе. Случилось разъ, что

у одного из богомольцев во время жды, Кобчхила застряло в горле и он подавился. После этого несчастного случая богомольцы разрешили себя в этот день есть скоромное. Это с течением времени как бы узаконилось и образ Кохиджварский в устах простого народа получил вследствие этого наименование Мархва-чаміа—постождь. В этот день никто из окрестных жителей не работает из опасения, чтобы не пошел крупный град (Кохи).

Небо целый день безоблачное, к вечеру нахмурилось. Тучи обложили весь горизонт. Все это мгновенно обратилось в сѣрую мглу и сквозь туман полил крупный тропический дождь. Но дождь не помѣшал Владыкѣ продолжать обзорніе Карталиніи. По маршруту дальше слѣдовало с. *Тирзниси*, куда Владыка и приказалъ направиться.

Въ церкви съ крестомъ и святой водой ожидалъ пріѣзда Владыки законоучитель мѣстной второклассной церковно-приходской школы о. Спиридонъ Касрадзе. Отъ церкви до мостика вся дорога была устлана коврами и сверху покрыта краснымъ сукномъ. Весь обширный дворъ церкви и площадь были наполнены окрестными жителями, съ нетерпѣніемъ ожидавшими видѣть своего Архипастыря и получить отъ него—благословеніе. Церковь Тирзнисская построена въ началѣ этого столѣтія дѣдомъ нынѣшняго Горійскаго уѣзднаго предводителя дворянства И. Д. Сулханова, довольно помѣстительна и содержится чисто. Когда Владыка вступилъ въ ограду церкви, выборные отъ мѣстныхъ крестьянъ поднесли Его Высокопреосвященству хлѣбъ-соль, при чемъ одинъ изъ нихъ обратился къ Владыкѣ съ слѣдующею простою и безыскусственною рѣчью: Ваше Высокопреосвященство, Милостивѣйшій нашъ Архипастыр! Сердца наши исполнены великою радостью, что воочию видимъ своего Отца-Архипастыря; многіе изъ насъ въ своей жизни еще ни видѣли Архіерея. Благодаримъ Васъ за то, что Вы къ намъ пожаловали, чтобы наставить насъ и нашихъ дѣтей, узнать наши духовныя нужды, уврачевать ихъ и утвердить насъ въ добродѣтельной жизни. Благодаримъ Васъ и за ваше попеченіе о дѣтяхъ нашихъ, для религіознаго просвѣщенія которыхъ Вы открыли въ нашемъ родномъ селѣ второклассную церковно-приходскую школу. Просимъ, по древнему нашему обычаю, принять хлѣбъ-соль, благословить насъ и нашихъ домочадцевъ“. Затѣмъ Владыка, поблагодаривъ ихъ, прослѣдовалъ черезъ густую толпу народа въ церковь. По

совершении положенной эктении и многолѣтія, Владыка, взявъ крестъ, осѣнилъ имъ троекратно предстоящій народъ. Церковный староста Георгій Самадашвили, для ознаменованія радостнаго событія посѣщенія Тирзниси Его Высокопреосвященствомъ, поднесъ Владыкѣ изящную кадильницу для мѣстной церкви, пріобрѣтенную имъ наканунѣ. Владыка похвалилъ его за усердіе къ храму Божию. Въ церкви довольно стройно пѣлъ положенныя пѣнопѣнія организованный учителемъ мѣстной второклассной школы г. Сехніевымъ смѣшанный хоръ изъ учениковъ и ученицъ церковно-приходской школы. Изъ церкви Владыка изволилъ посѣтить Тирзнисскую второклассную школу, открытую въ концѣ ноября 1896 года, спрашивалъ учениковъ, выслушивалъ ихъ отвѣты и остался очень доволенъ успѣхами учащихся особенно по русскому языку и церковному пѣнію. Означенная второклассная школа, передѣланная изъ одноклассной, которая въ 1895 году скромно отпраздновала десятилѣтіе своего существованія, есть родное дѣтище достоуважаемаго И. Д. Сулханова. Ему оно обязана и настоящимъ своимъ существованіемъ, благодаря его щедрымъ пожертвованіямъ. При этой школѣ предполагается сельско-хозяйственное отдѣленіе, на которое всѣ теперь обращаютъ должное вниманіе. Не напрасно извѣстный философъ *Беконъ Веруламскій*, съ котораго считаютъ начало эпохи опытнаго естествознанія, совѣтовалъ теоретикамъ: иди въ мастерскую ремесленника и тамъ больше найдешь познаній, чѣмъ въ школахъ. Такъ высоко цѣнили онъ опытъ и практику.—Въ домѣ Горійскаго уѣзднаго предводителя дворянства И. Д. Сулханова Его Высокопреосвященству былъ предложенъ обѣдъ. Въ виду предстоящаго высокопразднственнаго дня всенощное бдѣніе Владыка изволилъ выслушать въ Тирзнисской церкви. Въ церкви все время пѣлъ хоръ пѣвчихъ второклассной школы подъ регенствомъ г. Сехніева.

И. К.

(Продолженіе будетъ).

Айсоры несторіане

(Письмо изъ Персіи).

Въ сѣверо-западной части Персіи, провинціи Абезержданской, между озерами Урмія и Ванъ, сохранилось племя сиро-халдеевъ несторіанъ. Народъ этотъ семитической расы и не безъ основанія счи-

тають себя потомкомъ второго сына Симова Ассуря (Бытія г. 10 ст. 22),—отсюда и наименованія ихъ: „ассиріяне“, „айсоры“, „асуритане“. Бытописатель Моусей въ 10 главѣ книги Бытія, ст. 8, 9, 10, 11, упоминаетъ, что послѣ основанія Немвродомъ города Вавилона, Ассуръ переселился изъ южной Месопотаміи къ сѣверу, по верхнему теченію рѣки Тигра и положилъ начало ассирійской монархіи: „отъ земли той (Сеннааръ) изыде Ассуръ и созда Ниневію, и Роовою градъ и Халахъ. И Дасемъ между Ниневію и между Халахомъ—сей есть градъ великій“. Первоначальный процессъ возрастанія и развитія царства Ассирійскаго опредѣляютъ и предъугадываютъ специалисты филологи и археологи по такъ называемымъ клинообразнымъ надписямъ, уцѣлѣвшимъ на памятникахъ.

За восемь вѣковъ до христіанской эры, Ассирія возвысилась на степень могущественнаго государства; ассиріяне покорили Арменію, Мидію, Парфію, Эламъ, Аравію, Израильтянъ. Цари ассирійскіе Туклапассаръ II, Саламанассаръ V и Сеннахиримъ были властителями всей передней Азіи. Ко времени царствованія Сарданапала, наука, роскошь, культура ассиріянь удвѣляли отдаленные народы: Китай, Египеть, Грецію. Приблизительно въ это время изучили по астрономіи знаки зодіака, движеніе планетъ и распредѣленіе круга на 360 градусовъ. Развалины грандіозныхъ дворцовъ и великолѣпныхъ сооруженій ассиріянь служатъ нѣмыми свидѣтелями самобытной, оригинальной, архаической древности цивилизаціи айсоровъ.

Затѣмъ, накопленіе богатствъ, деспотизмъ правителей, развращеніе нравовъ привели Ассирію къ упадку и лишенію жизнеспособности. Мидяне и Персы разрушили города и вѣси ассиріянь!... Такимъ образомъ, Ассирія предупредила историческія судьбы Рима и Греціи хотя, къ несчастію, народы эти не припомнили даннаго урока! Начался упадокъ и разложеніе націи ассирійской.—

Появляется новая сила—ученіе Христа Спасителя. Святые Апостолы Ѳома и Ѳаддей съ спутникомъ Маріемъ отправляются на благовѣствованіе въ Месопотамію и Индію. Сиро-халдеи принимаютъ христіанство и считаютъ святаго Апостола Ѳаддея первымъ своимъ патріархомъ. До времени Ефесскаго собора христіане сиро-халдейскіе жили въ церковномъ отношеніи и практикѣ согласно съ церковію Вселенскою. Лжеученіе Несторія, распространившееся въ Персіи, въ 496 году на соборѣ Едесскомъ, подъ предсѣдательствомъ еретическаго

епископа, „Бабая“, совершенно отторгнуло сиро-халдеевъ отъ Вселенской Церкви. Несторіанская церковь, въ VI и VII вѣкахъ, обособившись въ отдѣльное общество христіанъ, распространила свое еретическое ученіе, нравы и обычаи отъ Каспійскаго моря до Китая и отъ южныхъ степей средней Азіи до Индіи и Цейлона. Аравійскіе завоеватели—масульмане не причинили вреда несторіанамъ, ибо, благодаря своей образованности, послѣдніе, вошли въ милость халифовъ Багдадскихъ и пользовались ихъ покровительствомъ. Изъ расчетовъ политическихъ масульмане поддерживали несторіанъ, дабы не было воссоединенія несторіанъ съ греками. Послѣ паденія халифовъ для несторіанъ—сирохалдеевъ наступили тяжелыя времена: они впервые подвергнулись гоненію со стороны Гассана Аргуна Хулака. Затѣмъ, Тамерланъ, этотъ бичъ народовъ, раздражившись на свою жену айсорку—христіанку, положилъ конецъ самостоятельной церковной жизни несторіанъ; по его приказу произошло поголовное избіеніе несторіанъ; церкви, школы, библіотеки были уничтожены. Спасаясь отъ преслѣдованія татаръ, сиро-халдеи бѣжали въ горы Курдистана, въ Индію, на Малабарскій берегъ и на островъ Кипръ. Патріархи несторіанскіе не имѣли постояннаго мѣста жительства, боясь звѣрства масульманъ и только около XVI столѣтія избрали резиденцію Мосуль—въ Месопотаміи. Вскорѣ послѣ нашествія Тамерлана явились и прочія неблагоприятныя обстоятельства, послужившія къ распаденію народа несторіанскаго. Въ 1445 году епископъ кипрскихъ несторіанъ Тимоѳей, освѣдомившись о Флорентійскомъ соборѣ и сужденіяхъ касательно церковной уніи, заявилъ желаніе оставить несторіанство и вступить въ общеніе съ Церковію Римскою. Папа Евгений IV со свойственною латинянамъ любезностію, письменно объявилъ епископу Тимоѳею, что несторіанъ Кипрскихъ принимаетъ въ общеніе съ тѣмъ условіемъ, если они не будутъ именовать себя несторіанами, а халдеями—католиками. Приблизительно чрезъ 100 лѣтъ, папа римскій Павелъ III, въ 1534 году, выслалъ въ Сирію подвижниковъ ордена іезуитовъ для покоренія народа сиро-халдейскаго Римской куріи. Месопотамскіе несторіане приняли католичество, но курдистанскіе и урмійскіе остались преданными вѣрѣ своихъ отцевъ. Итакъ народъ айсорскій по вѣроисповѣданію раздѣлился на сиро-халдеевъ—католиковъ и несторіанъ. Нынѣ въ Урмійской области 50 тысячъ несторіанъ, а

въ Турціи 200 тысячъ и весь этотъ народъ желаетъ принять Православіе. Да поможетъ дѣлу сему Господь Богъ и Россія.

Персидскій миссіонеръ, настоятель Эриванскаго собора свящ. Викторъ Синадскій.

Объявленія.

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

(вторая половина 1897 г.)

на ежедневную политическо-литературную и общественную газету

VIII годъ изданія.

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“,

выходящую безъ предварительной цензуры.

за шесть мѣсяцевъ 3 р. 50 к.

за 3 мѣсяца 2 р.

„Русскій Листокъ“ издается, не смотря на свою крайне дешевую подписную цѣну, въ форматѣ самыхъ большихъ и дорогихъ столичныхъ газетъ. Программа изданія на столько же обширна, какъ и во всѣхъ большихъ газетахъ, и „Русскій Листокъ“, слѣдя самымъ тщательнымъ образомъ за текущею политическою и общественною жизнью, даетъ отвѣты на всѣ вопросы современнаго дня. Ежедневно въ фельетонахъ газеты печатаются бытовые, историческіе и другіе романы, повѣсти, рассказы, стихи, а также даются новости иностранной литературы.

Съ половины іюня начинаются новые романы, начало которыхъ будетъ выслано всѣмъ новымъ полугодовымъ подписчикамъ.

„Русскій Листокъ“ издается по слѣдующей строго выполняемой программѣ.

- 1) Правительственныя распоряженія и придворныя извѣстія.
- 2) Передовыя (руководящія) статьи по внутреннимъ вопросамъ и внѣшней политикѣ.
- 3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго телеграфнаго агентства“.
- 4) Хроника: московская, петербургская и провинціальная.
- 5) Корреспонденціи изъ всѣхъ городовъ Россіи и Европы.
- 6) Дневникъ печати.
- 7) Извѣстія изъ иностранныхъ газетъ.
- 8) Судебная хроника.
- 9) Театръ, музыка и живопись.
- 10) Критика и Библиографія.
- 11) Биржевая хроника.
- 12) Фельетоны:

литературные, научные и общественной жизни. 13) Спортъ. 14) Мелкія замѣтки, разныя извѣстія и смѣсь. 15) Портреты, рисунки, планы и чертежи.

Адресъ для писемъ: Москва, уг. Срътенки и Рыбниковъ переулка.

3—2

Вышла изъ печати и поступила въ продажу новая книжка: „Церковная школа на Всероссийской выставкѣ 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ“. Съ 6 фототипическими снимками церковно-школьной выставки. Очеркъ представленнаго на выставкѣ состоянія церковно-школьнаго дѣла въ Россіи. С.-Петербургъ. 1897 г. Цѣна 20 коп., съ пересылкою 25 коп. Составилъ Михаилъ Макаревскій.

Выписывающіе отъ автора, секретаря Нижегородской духовной Консисторіи, не менѣе 10 экземпляровъ за пересылку не платятъ. Въ розничной продажѣ книжка имѣется въ главныхъ книжныхъ магазинахъ—Петербурга, Москвы и Н-Новгорода. Изданіе одобрено Учебнымъ Комитетомъ и Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для библиотекъ духовныхъ семинарій, мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ, а также и для библиотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Въ Тирзисской второклассной церковно-приходской школѣ (въ Горійскомъ уѣздѣ) пріемныя испытанія для поступления въ I классъ назначены 30 августа, а начало занятій—1 сентября сего года. Желающіе поступить въ школу могутъ присылать прошенія на имя попечителя школы, стат. сов. И. Д. Сулханова. При школѣ имѣется общежитіе.

При семь № разсылается прейсъ-курантъ склада Эфедры Г. Матвѣева въ г. Бузулукъ.

Содержаніе № 16-го. *Часть оффиціальная*: Высочайшее повелѣніе. Производство въ чины. Опредѣленія Святѣйшаго Синода. Распоряженія Грузинскаго Епархіальнаго Начальства. Отъ Грузинскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, Списокъ воспитанницъ Имеретинскаго Гавриловскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1897 учебный годъ. Объявленіе отъ редакціи. *Часть неоффиціальная*: Изъ слова преосвященнаго Димитрія, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго. Православное и рационалистическое ученіе о христіанской любви. Обзорніе Каргалинскихъ церквей Высокопреосвященнѣйшимъ Владиміромъ, Экзархомъ Грузіи—И. К. Айсоры несторіане—Персидскаго миссіонера, настоятеля Эриванскаго собора свящ. Виктора Синадскаго. Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Серафимъ*.

Печатаць дозволяется. Тифлисъ, 13 августа 1897 г. Ценз., прот. *Всѣславій Елѣевъ*.

Типографія Ево. Иванов. Хеладзе, Лорисъ-Меликовская ул., домъ № 28-й.